

ПЕРЕВОДЫ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 176–185

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 176–185

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-176-185>

Научная статья

УДК 81'22'27

Барт и Лотман: Идеология vs культура**Патрик Серио**

Лозаннский университет, CH-1015 Лозанна, Швейцария

Патрик Серио, Ph.D., почетный профессор, Лозаннский университет, patrick.seriot@unil.ch,

<https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Аннотация. Несмотря на то что оба сделали себе имя в семиотике, между Роланом Бартом и Юрием Лотманом больше различий, чем сходства – не только потому, что у них было разное политическое и историко-культурное окружение, но также и потому, что объект их изучения не был одним и тем же: у Барта – «идеология», у Лотмана – «культура». Таким образом, у них нет общей интеллектуальной основы, но их сопоставление может привести нас к более важному вопросу: что такое семиотика, и какое отношение к ней имеет структурализм? Контраст между двумя исследователями поразителен: Барт с левыми убеждениями в капиталистической стране печатался в марксистских изданиях, причем ничем не рисковал; а у Лотмана, специалиста по Пушкину, сотрудники КГБ обыскивали квартиру. Во имя семиотики Барт боролся с отчуждением общественного сознания, с угнетением свободной мысли буржуазной идеологией, а Лотман старался всеми силами придерживаться высокой элитарной культуры. Оба постоянно подвергались критике со стороны консервативных сил, оба продвигали семиотику как науку современной эпохи. Но одно и то же слово, «общество», имело у них несовместимые значения: для Барта оно представляло собой расщепленное объединение противоборствующих классов, для Лотмана оно имело романтический привкус культурной целостности, основанной на общем литературном языке и литературе. Хотя ни у одного из них мы не найдем определение структурализма, данное сопоставление позволяет выявить неожиданные аспекты истории этого важного направления в гуманитарных и общественных науках как во Франции, так и в Советском Союзе.

Ключевые слова: структурализм, марксизм, миф, семиотика, язык, общество

Оригинал: *Sériot Patrick*. Barthes and Lotman: Ideology vs culture // *Sign Systems Studies* 44(3), 2016, 402–414.

Для цитирования: *Sériot П.* Барт и Лотман : Идеология vs культура // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 176–185. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-176-185>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Barthes and Lotman: Ideology vs culture**Patrick Sériot**

University of Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland

Patrick Sériot, patrick.seriot@unil.ch, <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Abstract. Despite both being great names in semiotics, Roland Barthes and Juri Lotman have more differences than they share similarities – not only because of their different political and historico-cultural environments, but also because they do not have the same object of study: it is ‘ideology’ for Barthes, and ‘culture’ for Lotman. Thus, there is no intellectual common ground between them, yet comparing them can lead us to a more important question: what is semiotics, and what has structuralism to do with it. The contrast between the two researchers is striking: Barthes, with leftist convictions in a capitalist country, published in Marxist

© Серио Патрик, 2022

© Дубровская О. Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2022

publications, and risked nothing; Lotman, a specialist in Pushkin, had his apartment searched by KGB officers. In the name of semiotics, Barthes fought against the alienation of social consciousness, against the oppression of free thought by bourgeois ideology, Lotman tried with all his might to adhere to a high elite culture. Both were subject to constant criticism from conservative forces, both promoted semiotics as a science of the modern era. But the same word, “society”, had incompatible meanings for them: for Barthes it represented a split association of opposing classes, for Lotman it had a romantic flavor of cultural integrality based on a common literary language and literature. Although we do not find a definition of structuralism in any of them, this comparison reveals unexpected aspects of the history of this important trend in the humanities and social sciences, both in France and in the Soviet Union.

Keywords: structuralism, Marxism, myth, semiotics, language, society

For citation: Patrick Sériot. Barthes and Lotman : Ideology vs culture. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 176–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-176-185>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сопоставление – это способ познания, позволяющий высветить новые факты, поскольку перекрестное освещение может выявить объекты, невидимые при прямом освещении. С этой точки зрения контрастное прочтение Ролана Барта и Юрия Лотмана в оппозиции друг другу неизбежно выявит некоторые специфические черты, которые остались бы неясными при прочтении только одного из авторов. Вместе с тем их сопоставление приведет нас к задаче более глубокой: если оба претендуют на то, что они специалисты по семиотике, то тогда что такое семиотика? И какое отношение к ней имеет структурализм? Наконец, в статье будет рассматриваться главное отличие интеллектуальной жизни Франции и Советского Союза в уже далеком от нас времени, в 1960-е и 1970-е годы. Охват материала, следовательно, в этой статье ограничен, поскольку это первый шаг в сравнении двух различных подходов к семиотике.

Кажется, что между Бартом и Лотманом много общего. Оба были на границе официального мейнстрима: Барту так никогда и не удалось получить место в университете, а Лотман был профессором в маленьком провинциальном городке. Несмотря на это, оба претендовали на лидерство в новом понимании литературы и социальных наук, оба были образцами для интеллигенции, которая не видела себя в официальной культуре. У обоих повторялись одни и те же ключевые слова: «структурализм» и «семиотика», которые, на первый взгляд, имеют одно и то же значение.

Тем не менее, между ними больше различий, чем сходства. Барт и Лотман не были знакомы лично и не вступали в научную дискуссию. Эта статья посвящена подтверждению этого тезиса. Поскольку объем данного вопроса внушительный, здесь я сосредоточусь

лишь на одном аспекте: оппозиции их объектов изучения – Бартовской «идеологии» и Лотмановской «культуре» в очень ограниченном периоде, 1960-е – 1970-е годы, время, в которое они могли бы встретиться, время надежд и разочарований.

1. Объекты знания

1.1. Интеллектуальная атмосфера: Левые или Правые?

Научные идеи, особенно в социальных и гуманитарных науках, никогда не появляются в вакууме. Их история в значительной степени зависит от *контекста*, который можно назвать социальным, идеологическим, культурным, политическим, национальным, который существует здесь и сейчас и формирует фон, необходимый для понимания этих идей.

Марксизм

Как во Франции, так и в Советском Союзе 1968-й год стал фундаментальным поворотным моментом, но по совершенно противоположным причинам. Во Франции это был веселый эпизод, освобождение речи, поведения, мышления, художественная утопия, основанная на революционной терминологии, и в то же время отмечающая глубокое непонимание между образованной левой элитой и рабочим классом.

В Советском Союзе 1968-й год определенно был концом оттепели, разрушением «социализма с человеческим лицом» в Праге под советскими танками, началом так называемого «брежневского застоя». Тем не менее, в 1968 году Барт был заместителем редактора крайне левого журнала «Tel Quel», который в то время придерживался сильных марксистско-ленинских взглядов. Барт, исповедующий марксизм в капиталистической стране, ничем не рисковал (что, кстати, является доказательством того, что буржуазная

идеология менее уязвима, чем марксизм-ленинизм), в отличие от Лотмана, следующего осторожной диалектической линии, у которого сотрудники КГБ несколько раз обыскивали квартиру.

Барт создавал дискурс освобождения от отчуждения, в то время как Лотман не интересовался отчуждением, а был полностью поглощен идеей элитарной культуры.

Этот контраст поразителен, и его необходимо подчеркнуть. Очень мало кто во Франции в то время имел хотя бы малейшее представление о том, что в Советском Союзе, 'лирики' и 'физики' (специалисты в области гуманитарных наук или социальных наук и специалисты в области точных наук, на принадлежность к которым претендовали семиотики Тарту и Москвы), несмотря на их конфликт по поводу структурализма, имели общего врага: политический истеблишмент, который полагался на исключительно догматическую версию абсолютной марксистской истины, даже в научных вопросах. Эта версия была названа ее советскими противниками «идеологией».

Барт, происходивший из буржуазной семьи, хотя и скромной, эволюционировал от экзистенциализма к марксизму, но его политическая деятельность не выходила за рамки письменных заявлений. В отличие от Сартра или Фуко, он не участвовал в демонстрациях протеста, даже отказался подписывать петицию против войны в Алжире.

В своей статье «Лотман и марксизм» Михаил Гаспаров [1] объясняет, что советский марксизм был одновременно методом (исторический и диалектический материализм) и «идеологией» (длинный список самоуверенных и самодовольных бессмысленных пропагандистских заявлений). Лотман серьезно относился к марксистскому методу, но презирал его «идеологию». Таким образом, «шестидесятники» в Советском Союзе проживали в контексте, сильно отличающемся от контекста французских крайне левых представителей «движения шестьдесят восьмого года» против устоев буржуазного общества.

Общество

Барт и Лотман жили в одно и то же время, но в разных «обществах». Каким же было общество для каждого из них?

Для Барта было очевидно, что его общество (Франция в «славное тридцатилетие» после Второй мировой войны) было разделе-

но на две антагонистические группы: господствующий класс, или «буржуазия», и группа без названия, которую можно воспринимать только негативно: этакий крайне идеализированный «народ» (*'peuple'*), т. е. те, кто не относился к «буржуазии». Барт не был революционером, у него не было никакой программы для изменения его «общества», и его главным интересом в 1950-е – 60-е годы было разоблачать *признаки* того, как правящий класс обманывает эксплуатируемых (в своих «Мифологиях», 1957 год [2], он не использует слово *prolétariat*, а слово *'peuple'* он использует только по отношению к римлянам в кинофильмах). Тем не менее, совершенно неясно, какой смысл Барт вкладывал в слово «буржуазия»: когда он высмеивает соревнования по борьбе (рестлинг) как «театральное представление», его целью является не правящая буржуазия высшего класса, которая никогда не посещает такого рода варварские зрелища, а «*petit peuple*» («простые люди»), которых высоколобы Барт, на самом деле, глубоко презирал. «Мелкая буржуазия» была жертвой «буржуазной идеологии», а не бенефициаром.

Лотман никогда не говорил о Советском Союзе как об «обществе», что вполне понятно во времена Л. Брежнева, отмеченные очень жесткой цензурой. И все же его не интересовали различные социолекты русского языка. Лотман не был Пьером Бурдьё: только «русский литературный язык» обладал достаточным достоинством, чтобы его можно было изучать семиотическими средствами, и любое отклоняющееся употребление, будь то мат или даже просторечие, просто для него не существовало. Его общество было совершенно однородным и единомышленным, построенным на *высокой культуре*, а «идеология» аппаратчиков была лишь паразитической чепухой, которая никак не влияла на настоящую русскую культуру.

Таким образом, когда Юлия Кристева говорит о «социальных проблемах», исследуемых «советскими семиотиками», следует тщательно анализировать значение слова «социальный»: для левых французских интеллектуалов оно означало разделенное общество, тогда как для Лотмана оно имело романтический привкус культурной целостности, основанной на общем литературном языке и литературе.

¹Речь идет о субъекте в психоаналитическом смысле: в отличие от «человека» или «личности», субъект никогда не тождественен самому себе, он расщеплен, его раздрают противоречивые бессознательные влечения. В 1970-е годы во Франции была распространена идея, что наши слова нам не принадлежат, что слова проходят

1.2. Субъект¹: жив или мертв?

В 1960-х годах в среде левых французских интеллектуалов бытовала крылатая фраза: мертв не только автор, но и субъект. Ситуация была прямо противоположной для семиотиков из Тарту и Москвы. Понятие субъекта действительно было одним из главных пунктов разногласий, хотя и в значительной степени имплицитных, между французскими и советскими интеллектуалами.

На самом деле, те очень немногие французские исследователи, которые были знакомы с работами Ю. Лотмана, отмечали отсутствие теории субъекта в его семиотике [3: 11] и, в целом, отсутствие интереса к психоаналитическому пониманию бессознательного [4: 200]; см. также [5] в США.

Если для Барта «автор мертв» (что означает, что это просто «место» или «функция» в литературном процессе), то для Ю. Лотмана, наоборот, *автор жив*: у него есть *замысел*, и одной из целей литературной семиотики является выявление, изучение и анализ этого замысла:

На фоне поэзии Державина лирика Карамзина должна была производить впечатление обедненной. Но и здесь читатель легко убеждался, что эта нарочитая «бедность» входила в *замысел* автора, соответствовала его эстетическим требованиям [6: 31] (курсив мой. – П. С.).

Барт придерживается постмодернистской позиции в том, что восприятие текста так же важно, или даже важнее, чем его производство; поэтому ясно, что понятие автора – это всего лишь функция, роль, оно не относится к реальному человеку. «Смерть автора» делает бессмысленным поиск объективного смысла текста, этого идеала позитивистской науки.

Напротив, интерес Ю. Лотмана сосредоточен на *авторе, человеке и личности* (ср. [7]). То, что является результатом у Барта, является отправной точкой у Лотмана. Одним из результатов этой личностно ориентированной семиотики является увлечение «структурой архаического сознания в целом» [8: 484], изучение которого он считал одним из главных достижений марризма.

Но вопрос *почему* реконструкция (или моделирование) «структуры архаического сознания в целом» так интересовала Лотмана, все еще не получил ответа. В любом случае, очевидно, что у Лотмана не возникало никаких сомнений относительно существова-

ния этого «архаического сознания», несмотря на то что нигде в своих трудах по семиотике Лотман не определяет место психологического понятия «сознание». Всё, что мы знаем, так это то, что миф – «феномен сознания» [9: 283] и что одной из положительных особенностей марристской школы является то, что в ней изучалось «сознание как система» [8: 483]. Несомненно, сознание было очень далеко от идеи Барта о «расщепленном субъекте», которую он позаимствовал у Жака Лакана. И здесь мы сталкиваемся с типичным конфликтом между «органическим и механическим»: для Лотмана «архаические элементы в современной культуре <...> теперь трактуются не как досадные и бесполезные обломки, а как органические формы, обеспечивающие целостность человеческой культуры как таковой» [8: 485]. Барт пришел бы в ужас от идеи целостности.

1.3. Деконструкция vs реконструкция

У Барта и Лотмана действительно есть кое-что общее: отвратительная глупость их противников (Р. Пикар для Р. Барта, В. Кожин для Ю. Лотмана), которые аналогичным образом упрекали их в дегуманизации и пренебрежении субстанцией. Однако они сталкиваются с этим совершенно по-разному. Барт мечтал о «нулевой степени» письма, о месте абсолютной свободы, лишенном каких-либо ограничений или предопределенности, в то время как Лотман стремился тщательно восстановить контекст литературных или «культурных» текстов. Другими словами, *Барт стремился к деконструкции, в то время как Лотман стремился к реконструкции*. Барт снимает маски, разоблачает, использует семиотику для перевода из ложного в истинное; Лотман же переводит из расплывчатого и непостижимого в ясное и понятное. Для достижения своих целей оба они в значительной степени полагаются на понятие «миф», но и здесь с совершенно различной установкой.

Что такое миф?

Еще одно общее для них понятие – «миф». Но оба эти «мифа» не имеют ничего общего.

Для Барта миф – это набор ложных, вымышленных, недоказанных или иллюзорных идей или представлений; для Лотмана – это резервуар неизвестных истин. Барт разоблачает тот факт, что мы принимаем как

через нас, что они говорят за нас, и вообще, что субъект просто не существует. Автор – это разновидность субъекта, пример субъекта. Написанный текст уже не принадлежит автору, он живет своей жизнью, и его смысл не столько зависит от замысла автора, сколько от толкования получателя. Значит, понятие автора – чистая иллюзия, фикция, и автор, как и субъект вообще, «умер»: он растворился в небытии.

«естественное» или «очевидное» то, что на самом деле является иллюзорной реальностью, созданной для того, чтобы замаскировать реальные структуры власти, которые управляют нашим обществом. А Лотман считает, что в мифе содержится некая скрытая истина о человеческой природе и человеческой культуре, которую необходимо раскрыть. Ни один из них, похоже, не представляет, что слово «миф» может быть использовано в ином значении, чем его собственное: раскрытие общей модели знания для Лотмана, сомнение в очевидном для Барта. Для Барта деконструкция мифа – это не герменевтика: выявляя скрытое под масками реальное, он не предлагает никакой позитивной программы, кроме очень смутной идеи контркультуры, чистая критика отвечает его семиотическим устремлениям. У Лотмана, напротив, есть положительная программа: построить модель культурных артефактов, чтобы предложить типологию культуры.

Однако следует обратить внимание на тот факт, что переводы могут затуманить некоторые понятия, которые сами по себе уже трудны для понимания. Например, в «*Le mythe aujourd'hui*» («Миф сегодня») [10] Барт пишет «*Le mythe est une parole*», что переводят на русский язык либо как «Миф – это слово», либо как «Миф – это высказывание». Оба перевода являются препятствием для ясного понимания того, что имел в виду Барт. Я предлагаю: «Миф – это (некий) дискурс для замаскирования действительности».

Форма и содержание

Барт и Лотман прямо противостоят друг другу по одному вопросу: для Барта [10] «семиология – это наука о формах, поскольку она изучает значения независимо от их содержания», «семиология может иметь единство только на уровне форм, а не содержания». Напротив, для Лотмана:

Структурное изучение плана содержания в языке и литературе, идеологических конструкций разного типа, имеет большое научное значение. Оно позволяет разобраться в вопросе: действительно ли структуральный метод связан с формалистическим игнорированием содержания? В самом деле, в реакционном литературоведении Запада существует тенденция к подобному истолкованию структуральных методов анализа. Однако наиболее вдумчивые ученые на Западе, не говоря уже о советских ученых, исходя из представления, что само понятие языка (или любого иного структурного явления) как знаковой системы неизбежно ставит вопрос о значении [11: 44].

Итак, теперь мы знаем, что «структуральный метод изучает семантику литературы, фольклора, мифа» [8: 483], что мы можем

и должны связывать семиотико-структуральный метод и марристскую школу, которая «изучала историческую семантику» [Там же], но все-таки интересно было бы знать, в чем же заключается этот самый «структуральный метод». Одно можно сказать наверняка: это совсем не тот структурализм, который развивал в 1960–70-е годы Барт.

Культура vs идеология

‘Миф’ у Барта в «Мифологиях» функционирует как синоним понятия «идеология», что является упрощением значения, которое это понятие имеет в «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса (1846): ложное сознание (*eine falsche Bewusstseins*). В этом смысле «идеология» относится к совокупности убеждений и представлений, которые поддерживают и легитимизируют существующую власть. Идеология поддерживает ценности и интересы господствующих групп общества. Именно это значение имеет «идеология» для западных левых мыслителей. Вот четкое определение:

Доминирующая власть может легитимировать себя путем продвижения убеждений и ценностей, соответствующих ей; способна делать эти убеждения естественными и универсальными, превращая их в самоочевидные и кажущиеся неизбежными; может очернять идеи, которые могут бросить ей вызов; включает другие, соперничающие формы мышления, возможно, по какой-то невысказанной, но систематической логике; затемняет социальную реальность удобными для себя способами. Такая «мистификация», как известно, часто принимает форму маскировки или замалчивания социальных конфликтов, из чего вытекает представление об идеологии как мнимом разрешении реальных противоречий [12: 5–6].

Таким образом, работа семиотика, по Барту, состоит в том, чтобы сделать явным то, что оставалось неявным или принималось как должное. Это исследование того, как массовая культура, контролируемая буржуазией, конструирует мифологическую реальность и поощряет соответствие своим собственным ценностям. Хотя Барт некоторое время работал в коммунистической Румынии, он никогда ничего не писал о «реальном социализме» в Восточной Европе. Он работал в Египте и Марокко, но ясно, что его интересовал только западный тип общества, то есть, по сути, Франция, которую он считал «буржуазным обществом». В своем разоблачении идеологии Барт иногда говорит о культуре, но его культура – это пустота:

Существует зло, социальное, идеологическое зло, связанное со знаковыми системами, которые откровенно не признают, что они являются знаковыми

системами. Вместо того чтобы признать, что культура – это немотивированная система значений, буржуазное общество всегда распоряжается знаками, как будто оправданными природой или разумом [13: 67].

Напротив, для Лотмана культура, которая может быть как частной (русской, французской), так и универсальной, человеческой, культурой, – это вселенная смысла. Тот факт, что культура может быть национальной, позволяет построить *типологию*, то есть *сравнение* между различными культурами, чаще всего между российской и западноевропейской культурами. Но здесь культура никогда не может быть пустотой. Она также не может быть разделена на антагонистические группы (хотя в его работах русская культура иногда едина, а иногда состоит из аристократической и крестьянской субкультур). Его *культурология* имеет некоторые отдаленные связи с североамериканскими *cultural studies*: оба имеют общие источники в культурной морфологии Л. Фробениуса и теории символических форм Э. Кассирера. Все эти ссылки прозвучали бы неуместно для Барта, не говоря уже о многочисленных намеках на школу Н. Марра у Лотмана.

И у Барта, и у Лотмана мы видим колебание между марксистской догмой о надстройке и *Geisteswissenschaften* Дильтея: они фокусируются на том, что не является чисто материальным производством, а находится в наших умах. Тем не менее, если мы полагаемся на противопоставление Дильтея между *erklären* (цель естественных наук – *объяснить*) и *verstehen* (цель гуманитарных наук – *понять*), кажется очевидным, что Барт пытается объяснить, в то время как Лотман, хотя и утверждает, что следует точному научному методу, стремится понять. Лотман стоит на стороне того, что он изучает, Барт выступает против этого.

1.4. Франция и Советский Союз

К сожалению, для гуманитарных и социальных наук, в отличие от «точных» наук, слова, которые мы используем, не обязательно имеют одинаковое значение для всех. Это относится и к таким, казалось бы, общим и очевидным терминам, как «идеология», «авангард» или даже «знак». Дело в том, что исторические, политические и интеллектуальные ситуации во Франции и в Советском Союзе были очень разными².

Что эти два человека знали друг о друге?

Барт никогда не цитировал Лотмана, не знал иностранных языков, кроме нескольких фраз по-английски, не интересовался

другими странами, кроме во многом воображаемой Японии. Однако в 1960–70-х годах во Франции Юлия Кристева была убежденной сторонницей марксистской интерпретации всего советского. Итак, представив Бахтина во Франции как предшественника дискурс-анализа, она описала Лотмана как проводящего «подрывную деятельность» с «сокрушительными эффектами», что она и включила в свою «концепцию интертекстуальности» [15].

Лотман, напротив, хорошо знал французскую семиотику и структурализм. В письме Наталье Автономовой (23 февраля 1978 года) он писал:

Мне показалось, что Вы даете «одним планом» <...> Леви-Стросса, Фуко, Барта и Кристеву. Между тем, Леви-Стросс – крупнейший исследователь конкретного плана (что всегда наиболее ценно), Фуко – острый и талантливый философ, во французском значении этого слова, а Барт и Кристева (прости, Господи, меня, грешного!) мало интересны. Это писатели-эссеисты и не очень крупного масштаба [16: 469].

В своей книге по истории тартуско-московской семиотической школы Максим Вальдштейн цитирует письмо Лотмана Вячеславу Иванову [17: 100]:

Вполне согласен с Вами, что «Tel Quel» раздражает («забавы взрослых шалунов», к сожалению, во вполне серьезной ситуации). Может быть, в 5-м томе [«Трудов по знаковым системам»] пощелкать их? Правда, пафоса большого не чувствую – слишком все это чужое и ненужное (Ю. М. Лотман В. В. Иванову, 1970; см. [18: 658]).

Вальдштейн также цитирует интервью Лотмана с Владимиром Топоровым:

Я не вижу никаких необходимых мне ученых во французской школе. Они часто совершают грех легкомыслия. Хотя читать это одно удовольствие (цитируется с английского по [17: 100]).

2. Методы и средства

2.1. Что такое знак?

Барт и Лотман используют схожие термины, но ничто не доказывает, что эти термины имеют схожее значение. Сопоставление – это способ устранения этого источника недопонимания. Барт думает, что все может быть знаком, Лотман думает, что все является знаком, но оба принимают очень классическое определение знака: то, что обозначает что-то другое. Это было сказано очень давно святым Августином (354–430): *aliquid stat pro aliquo*. Или в Логике Пор-Рояля:

²Ср. Landolt показывает, что французская и советская семиотика «не допускают взаимного перевода» [14: 129].

Знак включает в себе, таким образом, две идеи: идею вещи представляющей и идею вещи представляемой, и сущность его состоит в том, чтобы вызывать вторую посредством первой [19: I, 4; 20: 46].

Барт часто говорил, что хочет бросить вызов «невинности» и «естественности» культурных текстов и практик, которые способны создавать всевозможные дополнительные значения или коннотации. Именно такого рода вторичные значения или коннотации интересовали Барта в «Мифологиях». Здесь, в очень метафорическом использовании терминологии Соссюра, лингвистический знак становится означающим или двойником означаемого нового, «мифологического» знака:

1. Означающее	2. Означаемое	
3. Знак I. ОЗНАЧАЮЩЕЕ		II. ОЗНАЧАЕМОЕ
III. ЗНАК		

2.2. Язык

У Барта и Лотмана совершенно противоположное отношение к языку.

Для Барта, как мы знаем, «язык – это фашизм»:

Язык [*la langue*], как исполнение любого языка [*langage*], не является ни реакционным, ни прогрессивным; он просто фашистский; ибо фашизм состоит не в том, чтобы мешать что-то говорить, а в том, чтобы обязывать что-то говорить [21: 14].

Но неясно, идет ли здесь речь о французском языке как о лингвистическом понятии, о языке в целом как инструменте угнетения или о буржуазном дискурсе. Уже в 1953 году, в «*Le degré zéro de l'écriture*» (Нулевая степень письма), он мечтал о письме (*écriture*), которое могло бы быть полностью свободным от какой-либо внешней детерминации. Но это освобожденное письмо чрезвычайно далеко от того, что Пьер Бурдьё назвал «*le franc parler*», свободной речью пролетариев для общения друг с другом [22]. На самом деле его не существует даже в авангардной литературе...

Как ни странно, Лотман также испытывает своего рода ностальгию по идеализированному языку, но, если Барт испытывал недоверие к языку в целом, Лотман, напротив, находил в нем средство поддержки коллективной идентичности: русский (литературный) язык был способом достижения (высокой) русской культуры, представленной не маргинальными, авангардными, а заслуживающими доверия надежными авторами.

³См. [23: 106].

⁴См. [Там же: 117–118].

У Лотмана даже можно найти некоторые черты неогумбольдтианства. В своем комментарии к И. Франку-Каменецкому, исследователю семитских языков, близкому к марризму, Лотман [8: 484] пишет:

Выделяя мифологическое, научно-логическое, обыденное и поэтическое сознания, автор вплотную подходит к проблемам, волнующим и современную культурологию. Любопытно, что термин, который он находит для определения реализации этих систем – «картина мира»³, оказался удобным и для современных типологических построений. Если в обычных марристских построениях полное отождествление языка и мышления снимало проблему моделирующего воздействия первого на второе, то в этой работе И. Г. Франк-Каменецкий, солидаризируясь с Э. Кассирером, подчеркивает роль «языка, как оформляющего и организующего начала, благодаря которому одномерный поток впечатлений впервые приобретает определенные очертания, слагаясь в стройный, внутренне организованный мир»⁴.

2.3. Структурализм

У обоих авторов структурализм был больше, чем научным направлением, он имел какое-то отношение к подрыву признанных консервативных ценностей, как в науке, так и в академическом мире. Но чем же он являлся?

Мы видели, что понятие знака у Лотмана и Барта имело лишь внешнее сходство с понятием знака у Соссюра. Если для последнего знак – это соединение означающего и означаемого, которые не могут существовать до их неразрывного взаимоотношения, то для наших героев знак – это классически все, что отсылается к чему-то другому. Следовательно, то, что у Соссюра было частью знака (то есть означаемым), становится для них внешним по отношению к знаку (денотату, или вещи, к которой относится знак).

Но это не все: для Соссюра, в точном антионтологическом подходе к знаку, знаки определяются своей значимостью: «*Leur plus exacte caractéristique est d'être ce que les autres ne sont pas*» [Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие] [24: 116]; [25]). Эта отрицательная онтология понятия значимости является новаторским вкладом Курса Соссюра. Поэтому в этой книге отношения между явлениями более важны, чем явления в отношениях.

Правда, тексты Барта и Лотмана полны намеков на этот структурный подход. В 1967 году Лотман написал:

Структурный подход приучает видеть мир и наши модели мира как систему отношений и связей [26: 92].

Исследователь не перечисляет «признаки», а строит модель связей [Там же: 93].

Странно, но то, что известно как «антиномии» у Соссюра, переводится как «диалектика» у Лотмана:

Методологической основой структурализма является диалектика [Там же].

Структуральное изучение стремится снять двойственность современного литературоведения: с одной стороны, оно видит в литературе искусство, специфическую форму общественного сознания, и решительно выступает против примитивного «растворения» ее в истории общественных учений. С другой – оно ставит перед собой задачу раскрыть идею произведения как единство значимых элементов. По отношению к каждому элементу художественной структуры возникает вопрос: каково его значение, какую смысловую нагрузку он несет? Отношение художественной идеи к построению произведения напоминает отношение жизни к биологической структуре клетки. В биологии уже не найдется виталиста, который стал бы изучать жизнь вне реальной организации материи, являющейся ее носителем. В литературоведении они еще встречаются. Но и номенклатурное перечисление материального «инвентаря» живой ткани не раскроет тайны жизни: клетка предстает перед нами как сложная функционирующая самонастраивающаяся система. Реализация ее функций – жизнь. Художественное произведение – также сложная самонастраивающаяся система (правда, другого типа). Идея – жизнь произведения, и она одинаково невозможна в разъятом анатомом теле и вне этого тела. Механицизм первого подхода и идеализм второго должны уступить место диалектике функционального анализа [Там же: 96].

Но все чаще и чаще слово «структура» у Лотмана соскальзывает к «системе», а затем к «организации». Оно становится синонимом русского слова «строй», которое является калькой немецкого *Bau* 'каркас в строительстве'. Например, жанр обладает «структурой», как и архаическое сознание. Отрицательная онтология элементов структуры исчезла. Как пишет Даниэль Лаферрьер [27: 33]:

Более того, направленность советских семиотиков вовне реже приводит к методологической тарбарщине, которую так часто можно встретить в «том, что выдается за структурализм на левом берегу»⁵ (цитата из лекции Виктора Эрлиха в 1976 году на Собрании Ассоциации современного языка).

Приходится вспомнить, что для Соссюра структура может функционировать только

благодаря пустоте, неравновесию; это противоположность целостности (по-русски 'целостность' – калька немецкого *Ganzheit*). Здесь Лотман ближе к Гумбольдту, чем к Соссюру.

Заключение

Можно было бы затронуть многие другие темы, такие как, например, отношение Барта и Лотмана к русскому формализму 1920-х годов или к позитивизму, или к понятиям «тип» и «типология». Но можно теперь обобщить выдвигаемые нами тезисы.

При сравнении работ Ролана Барта и Юрия Лотмана 1960–70-х годов становится ясно, что недоразумения и разногласия между ними более значимы, чем консенсус.

Оба сосредоточились на семиотике герменевтики, но Барт посвятил себя деконструкции, критике, разоблачению мелкобуржуазного мира, в то время как Лотман, напротив, посвятил себя реконструкции и защите высокой культуры.

Оба они глубоко отмечены своей принадлежностью к определенной культурной среде: франкоцентризм (игнорирование Другого) vs русскоцентризм (внимание к Другому, от которого хочется отличаться).

Мы сталкиваемся с двумя семиотиками в относительном взаимном игнорировании, без взаимодействия, без какого-либо общего интереса. Барт не знает Лотмана, Лотман не доверяет Барту.

Ни Барта, ни Лотмана нельзя считать структуралистами, по крайней мере, если только не рассматривать структурализм как набор взаимосвязанных (ранее существовавших) объектов.

Но в первую очередь у них разные сферы интереса. Для Лотмана «культура» – это коллективная память, которую необходимо сохранить, в то время как для Барта «идеология» – это ложное сознание, которое должно быть разоблачено и уничтожено.

Если Лотман вызвал так мало интереса во Франции, то это потому, что он представлял интеллектуальный мир, плохо известный в этой стране. Мир Лотмана имел больше общего с культурной морфологией Л. Фробениуса и с идеей целостности Гете, чем с марксизмом Альтюссера. Что такое структурализм для каждого из них, мы точно не узнаем. Тем не менее, мы выявили важное противостояние между французскими и советскими семиотиками в 1960–70-е годы: Барт работал над словами как дискурсом, в то время как Лотман работал над текстами

⁵Речь идет о левом берегу реки Сены в Париже, где находятся университет Сорбонна и главные научно-исследовательские учреждения, в основном с левой идеологической ориентацией.

как вещами. Один мыслил в рамках эпистемологии, другой – онтологии.

Здесь я сделаю последнее замечание: если кто-то думает, что семиотика – это некая

общая наука, объясняющая всё, наука о целом или о целостностях, то есть риск, что это всего лишь иллюзия. Ключа, открывающего все двери, не существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Л. Лотман и марксизм // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 7–13.
2. Barthes R. *Mythologies*. Paris : Seuil, 1957. 239 p.
3. Meschonnic H. Préface // Lotman Iouri. *La structure du texte artistique*. Paris : Gallimard, 1973. P. 11–13.
4. Kristeva Julia. *La sémiologie comme science des idéologies* // *Semiotica* 1969. № 1. P. 196–204.
5. Laferriere D. *Semiotica sub specie sovietica : Anti-Freudianism, pro-Marrism, and other disturbing matters* // *PTL : A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature*. 1978. № 3. P. 437–454.
6. Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1966. С. 5–51. (Библиотека поэта. 2-е изд.).
7. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. 1973. № 6. С. 227–243.
8. Лотман Ю. М. О. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Труды по знаковым системам. 1973. № 6. С. 482–489.
9. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. 1973. № 6. С. 282–303.
10. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс ; Универс, 1994. С. 72–130.
11. Лотман Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 44–52.
12. Eagleton T. *Ideology : An Introduction*. London : Verso, 1991. 258 p.
13. Barthes R. *Le Grain de la voix : Entretiens 1962–1980*. Paris : Seuil, 1981. 352 p.
14. Landolt E. Histoire d'un dialogue impossible : J. Kristeva, J. Lotman et la sémiotique // *Langage et société*. 2012. № 142. P. 121–140.
15. Kristeva J. On Yury Lotman // *PMLA*. 1994. Vol. 109, № 3. P. 375–376.
16. Автономова Н. С. Открытая структура. Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М. : ROSSPEN, 2009. 502 с.
17. Waldstein M. *The Soviet Empire of Signs : A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken : VDM, 2008. 219 p.
18. Лотман Ю. М. Письма. М. : Языки русской культуры, 1997. 787 с.
19. Arnauld A., Nicole P. *La Logique ou l'art de penser*. Paris : Charles Savreux, 1662.
20. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. Рус. пер. В. П. Гайдамака с послесловием А. Л. Субботина по изданию 1752 г. М. : Наука, 1991. 413 с.
21. Barthes R. *Leçon*. Paris : Seuil, 1977.
22. Bourdieu P. *Ce que parler veut dire*. Paris : Fayard, 1982. 248 p.
23. Франк-Каменецкий И. Г. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык

и литература. Т. III. Л. : Академия наук СССР, 1929. С. 70–155.

24. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 425 с.
25. Saussure Ferdinand de. *Cours de linguistique générale*. Paris : Payot, 1967 [1916]. 331 p.
26. Лотман Ю. М. Литературоведение должно быть наукой // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 90–100.
27. Laferriere D. *Of semioticians and slavists* // *Semiotic Scene*. 1977. № 4. P. 28–32.

REFERENCES

1. Gasparov M. L. Lotman and Marxism. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 1996, no. 19, pp. 7–13 (in Russian).
2. Barthes R. *Mythologies*. Paris, Seuil, 1957. 239 p.
3. Meschonnic H. Préface. In : Lotman Iouri. *La structure du texte artistique*. Paris, Gallimard, 1973, p. 11–13.
4. Kristeva J. *La sémiologie comme science des idéologies*. *Semiotica*, 1969, no. 1, pp. 196–204.
5. Laferriere D. *Semiotica sub specie sovietica : Anti-Freudianism, pro-Marrism, and other disturbing matters*. *PTL : A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature*, 1978, no. 3, pp. 437–454.
6. Lotman Y. M. Karamzin's poetry. In: *Karamzin N. M. Stikhotvorenniya. (Biblioteka poeta, 2-e izd.)* [Karamzin N. M. Poems. (Poet's Library, 2nd ed.)]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1966, pp. 5–51 (in Russian).
7. Lotman Y. M. About two models of communication in the system of culture. *Trudy po znakovym sistemam* [Proceedings on Sign Systems], 1973, no. 6, pp. 227–243 (in Russian).
8. Lotman Y. M. O. M. Freidenberg as a researcher of culture. *Trudy po znakovym sistemam* [Proceedings on Sign Systems], 1973, no. 6, pp. 482–489 (in Russian).
9. Lotman Y. M., Uspenskiy B. A. Myth – name – culture. *Trudy po znakovym sistemam* [Proceedings on Sign Systems], 1973, no. 6, pp. 282–303 (in Russian).
10. Barthes R. *Mif segodnya* [Myth Today]. *Barthes R. Izbrannyye raboty : Semiotika. Poetika* [Selected Works : Semiotics : Poetics]. Moscow, Progress, Univer Publ., 1994, pp. 72–130 (in Russian).
11. Lotman Y. M. On the delimitation of the linguistic and literary concept of structure. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1963, no. 3, pp. 44–52 (in Russian).
12. Eagleton T. *Ideology : An Introduction*. London, Verso, 1991. 242 p.
13. Barthes R. *Le Grain de la voix : Entretiens 1962–1980*. Paris, Seuil, 1981. 352 p.
14. Landolt E. Histoire d'un dialogue impossible : J. Kristeva, J. Lotman et la sémiotique. *Langage et société*, 2012, no. 142, pp. 121–140.
15. Kristeva J. On Yury Lotman. *PMLA*, 1994, vol. 109, no. 3, pp. 375–376.
16. Avtonomova N. S. *Otkrytaya struktura. Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* [Open Structure. Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 502 p. (in Russian).

17. Waldstein M. *The Soviet Empire of Signs : A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken, VDM, 2008. 219 p.
18. Lotman Y. M. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Languages of Russian culture, 1997. 787 p. (in Russian).
19. Arnauld A., Nicole P. *La Logique ou l'art de penser*. Paris, Charles Savreux, 1662.
20. Arnauld A., Nicole P. *Logika, ili Iskusstvo myslit'*. Rus. per. V. P. Gaydamaka s poslesloviem A. L. Subbotina po izdaniyu 1752 g. [Logic, or the Art of Thinking. Russ. transl. V. P. Gaidamak with an afterword by A. L. Subbotin according to the edition of 1752]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 413 p. (in Russian).
21. Barthes R. *Leçon*. Paris, Seuil, 1977.
22. Bourdieu P. *Ce que parler veut dire*. Paris, Fayard, 1982. 248 p.
23. Frank-Kamenetsky I. G. Primitive thinking in the light of Japhetic theory and philosophy. *Yazyk i literatura. T. III* [Language and Literature. Vol. III]. Leningrad, Academy of Science of the USSR, 1929, pp. 70–155 (in Russian).
24. Saussure Ferdinand de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of General Linguistics]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 425 p. (in Russian).
25. Saussure Ferdinand de. *Cours de linguistique générale*. Paris, Payot, 1967 [1916]. 331 p.
26. Lotman Y. M. Literary criticism should be a science. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1967, no. 1, pp. 90–100 (in Russian).
27. Laferrriere D. Of semioticians and slavists. *Semiotic Scene*, 1977, no. 4, pp. 28–32.

Поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 08.12.2021
The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 08.12.2021